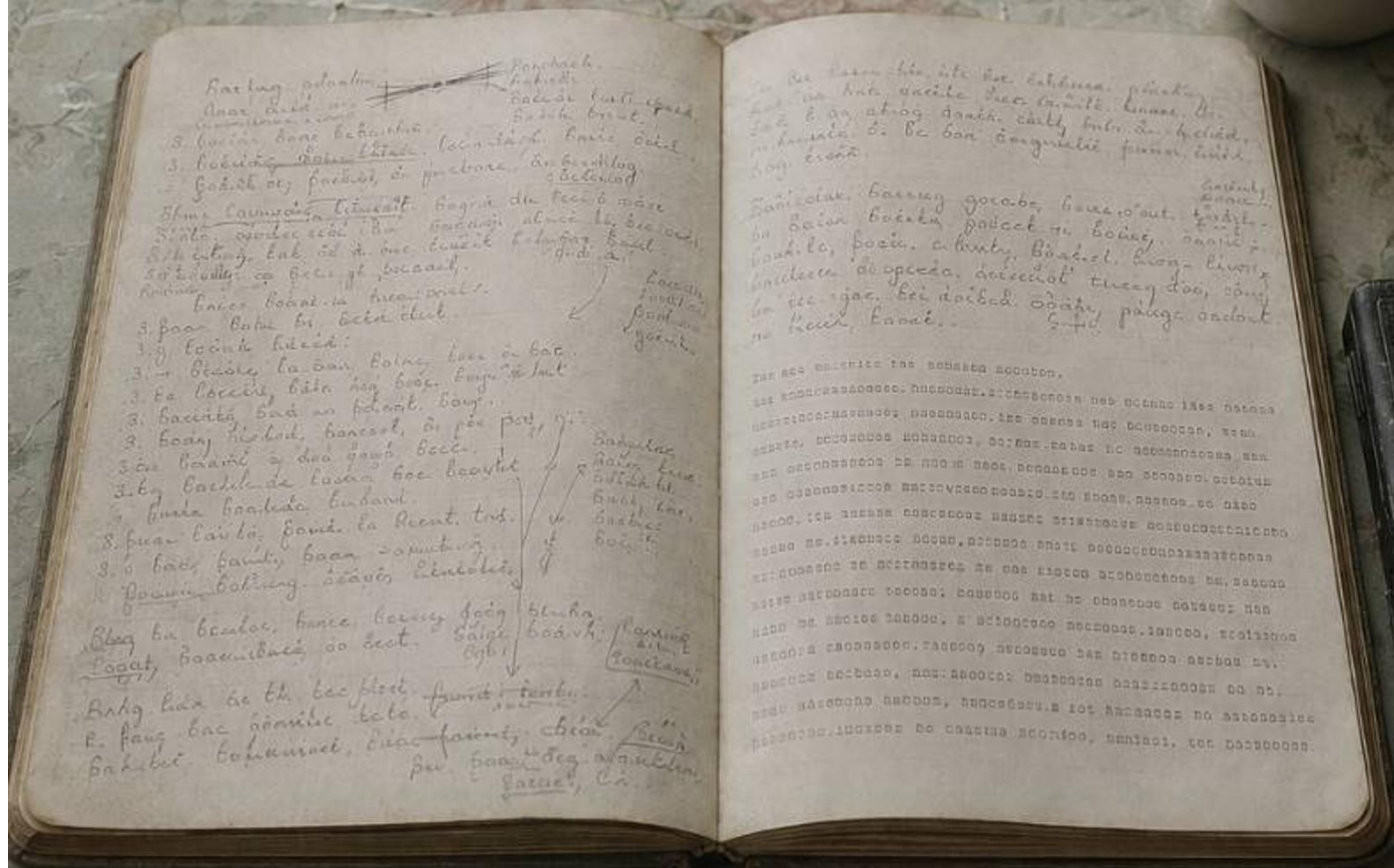

АРХИВ ИСЧЕЗАЮЩИХ ГОЛОСОВ

Кирилл Зотов

Кирилл Зотов

Архив исчезающих голосов

«Автор»

2026

Зотов К.

Архив исчезающих голосов / К. Зотов — «Автор», 2026

Елена пятнадцать лет записывает чужие рассказы в деревнях Пермского края: диалекты, приметы, то, что помнят только старики. Когда к работе подключают корпоративную архивную систему, всё идёт лучше, чем раньше: записи чище, поиск быстрее, ничего не теряется. Теряется другое. Слова, которые Елена знала на слух, теперь приходится сверять с базой. В лесу остаётся то, что никто не берётся объяснить. А попытка честно сохранить чужой голос может стать последним способом сохранить собственный.

© Зотов К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Архив исчезающих голосов	5
Часть I. Полевые записи	6
Запись 001. Кушим.	6
Запись 005. К северу от Чердыни.	8
Запись 007. Быличка бабы Тони.	9
Запись 011. Спор о формулировке.	10
Запись 013. Дед Матвей. Ильинский, утро.	11
Запись 014. Внучка на фоне.	12
Запись 015. Слово без перевода.	13
Запись 016. Два раза про пожар.	14
Запись 017. Отказ.	15
Запись 018. Верхняя Каменка.	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Архив исчезающих голосов

Архив исчезающих голосов

*Полевой дневник Елены Воронцовой, впоследствии включённый в архив проекта «Химера»
с изменённой системой описания.*

Часть I. Полевые записи

Запись 001. Кушим.

14 ноября. Деревня Кушим, Красновишерский район (коми-язьвинский старообрядческий ареал — уточнить состав общины при следующем визите). Информант: мужчина, 71 год, имя уточняется по согласию — просил не указывать полностью, оставила «Пётр С.». Погода: минус двенадцать, безветренно, снег лежал с утра. Запись велась на кухне, диктофон на столе, рядом чайник, Пётр С. курил у открытой форточки весь разговор.

Выехала затемно, около шести. Асфальт кончился примерно на середине пути. Дальше грейдер, потом накатанная колея. Перед самым Кушимом — два парома подряд, оба работают до заморозков. На втором вода была уже не чёрной, а с белесой крошкой, шуга шла густо, скребла о борт с сухим шуршащим звуком, и аппарат под ногами была скользкой не от воды — от корки льда поверх мокрого металла. Паромщик сказал: «Считай, последний рейс». Не уточнил — в этом сезоне или вообще. Не переспросила. Не была уверена, что вопрос требовал уточнения. Или просто не расслышала интонацию за гулом буксира.

Съехала с аппарели на грейдер, оглянулась — буксир уже разворачивался, и звук его двигателя становился тише, будто сама река забирала его обратно. Через минуту стало тихо. Не тихо, как бывает в лесу. Тихо, как бывает в комнате, где закрыли окно.

Вишера в этот приезд выглядела совсем не так, как я её запомнила студенткой — тогда, в первый раз, это был просто хороший сплав, отработка гребли, ночёвки на берегу, и никому в голову не приходило, что за этими же деревнями, мимо которых тогда проплывали не глядя, можно будет возвращаться пятнадцать лет. Кажется, именно после того сплава Игорь впервые сказал, что никогда не поймёт, зачем люди ездят искать чужие истории — тогда это прозвучало как шутка.

Ручка не писала в машине по дороге — отогревала во внутреннем кармане около часа, прижав локтем к рёбрам. Батарейки для диктофона тоже с утра держала под курткой: на таком морозе заряд садится в разы быстрее, если носить их в сумке отдельно от тела. Это знание — не из инструкции, из опыта, из трёх испорченных записей за пятнадцать лет, каждая из которых обрывалась ровно на самом важном месте (знаю, что это не так; пишу так, потому что так это ощущается).

Пётр С. встретил у калитки, будто ждал в этот час, хотя я не сообщала точного времени приезда — других машин в такое утро в деревне не бывает, услышал издали и вышел.

Мама звонила в перерыве между записями, пока я грелась в машине. Спросила, когда найду «нормальную работу в университете». Сказала: «В твои годы мотаться по деревням — не жизнь». Ответила: «Скоро, мам». Перевела разговор на её рассаду. Телефон сел на обратном пути — зарядка осталась на заднем сиденье, не дотянулась, дорога разбита, пришлось держать руль обеими руками.

Расшифровка, часть 3, 41-я минута.

Я написала: «Он сказал, что боялся леса».

Вычеркнула.

Перечитала запись ещё раз — Пётр С. не произносил слова «боялся». Он сказал: «После того я туда не заходил. С ноября того года и, считай, до сих пор». Пауза четыре секунды, слышно, как он затягивается. Потом добавил: «Не то чтоб я как-то так. Не заходил, да и...»

Исправила:

«Он сказал, что не заходил туда после ноября».

Слово «боялся» — моя интерпретация, не его. Использовать в записи нельзя. Ошибка повторяется независимо от опыта — рука тянется додумать за информанта то, что кажется ей очевидным.

Оставляю пометку внизу страницы, как всегда:

Слово «боялся» информант не произносил. Ошибка расшифровки. Исправлено.

Дальше в записи — то, ради чего, собственно, и ехала в эту деревню. Про лес к северу от Кушима, тот, что тянется вдоль старой узкоколейки — я слышала о нём ещё в прошлый заезд, от третьих лиц, обрывком, без деталей, и с тех пор собиралась о нём доспросить. Спросила напрямую, стараясь звучать буднично, без нажима: «А что там, в лесу, произошло, если не секрет?»

Пётр С. молчал так долго, что я едва не повторила вопрос другими словами, но удержалась (додумывать за информанта можно и паузу, не только слово). Сказал фразу, которую я записала слово в слово и переслушала четыре раза, чтобы убедиться, что расслышала верно:

«Там не то чтоб произошло чего. Там просто перестало быть по счёту».

Спросила: «По какому счёту?»

Он не ответил напрямую. Сказал только: «У нас не считают деревья после заката-то. Не в лесу за узкоколейкой. Так заведено».

«Почему?»

«А кто ж знает, почему? Заведено — и всё».

Не спросила, что бывает, если посчитать, — хотя это стандартный вопрос, я задаю его почти всегда, и в девяти случаях из десяти он ведёт к какой-нибудь бытовой истории полувековой давности, вполне объяснимой задним числом. В записи пауза семь секунд, потом моя реплика: «Хорошо, давайте вернёмся к тому, что вы рассказывали про матушку Ефросинью». Не могу восстановить, почему сменила тему сама, не дожидаясь его молчания или знака, что тема закрыта. Устала — возможно. Замёрзла — возможно, к тому часу пальцы уже плохо слушались. Фиксирую как факт, без интерпретации, потому что любая из этих версий — тоже интерпретация, просто более удобная.

Пометка: вернуться в Кушим весной, доспросить про лес отдельно. Пётр С. согласен на повторную встречу.

Пересматривала звук перед архивацией — старая привычка, слушать запись целиком ещё раз в тот же день. На 52:17, уже после того как Пётр С. перешёл к рассказу про матушку Ефросинью, — шесть секунд без единого фонового звука. Не пауза в разговоре: он в этот момент как раз говорил. Пропал не голос. Пропало всё остальное — скрип половиц, тиканье часов на стене, слышное всю запись до и после этого места, далёкий лай собаки за окном, отмеченный мной в полевых заметках при самой записи. На 52:23 всё возвращается разом, в той же громкости, что была до.

Переспросила Петра С. при следующем визите, не вставая с места, не выключая диктофон снова. Он не помнит паузы в разговоре и удивился, что я вообще спрашиваю.

Не буду писать в отчёте, что это было. У меня нет для этого ни слова, ни метода. Отмечаю только сам факт — участок 52:17–52:23, полное отсутствие фонового шума при сохранённой речи информанта — и оставляю это как техническую деталь записи, требующую, возможно, повторной проверки оборудования.

Протёрла диктофон перед тем, как убрать в сумку — привычка после каждого интервью, влага и печная копоть оседают на корпусе быстрее, чем кажется, а отпечатки на экране мешают потом читать уровень заряда в темноте.

Запись 005. К северу от Чердыни.

Информант — мужчина, 80 лет, имя не назвал, соседи зовут его дед Кузьмич. Дом на отшибе, последний перед лесом, за ним уже никто не живёт — так сказали в сельсовете, когда объясняли дорогу. Запах табака и мокрой овечьей шерсти — свитер, наверное, сох у печи не первый день, влажно-кислый, тяжёлый в закрытой комнате. Начала чихать почти сразу и не могла остановиться минут пять — так, что заслезились глаза, и пришлось на время отложить блокнот, потому что одна рука была занята платком, а другой я держала диктофон. Он взглянул на меня без особого интереса: «Ничего. Дом старый. Он тоже чихает». Не переспросила, что он имел в виду.

Сорок пять минут разговора. На большинство вопросов информант отвечал одним словом или молчанием, которое я не заполняла — считала до тридцати про себя, ждала, стараясь не смотреть на него слишком прямо, чтобы молчание не читалось как давление. Иногда оно разрешалось коротким «не помню», иногда просто следующим вопросом, без всякого объяснения, почему предыдущий остался без ответа.

Ноги затекли на табуретке — пересаживалась дважды, стараясь делать это незаметно, между паузами, а не поверх них. Часы на стене здесь были, старые, механические, тикали громко — единственный звук в паузах, кроме дыхания. Ловила себя на том, что подстраиваю ритм молчания под их тиканье, как будто это помогает считать точнее.

Про лес за домом деда Кузьмича спросила трижды, разными словами, с интервалом минимум в десять минут — старое правило, не задавать один и тот же вопрос дважды подряд, только с паузой, достаточной, чтобы не звучало как допрос. Первый раз — молчание секунд на сорок, потом «не хожу туда». Второй раз, уже о другом, вставила почти случайно: «а туда не советую» — без всякой видимой связи с тем, о чём я спрашивала перед этим. Третий раз не ответил вообще: встал, медленно, держась за край стола, подошёл к окну и постоял там спиной ко мне, глядя в сторону того самого леса, хотя из окна его не было видно за сараем.

В самом конце, когда я уже собирала диктофон, сказал, не глядя на меня, тем же ровным тоном, каким весь разговор говорил про погоду и покос: «Она не пропадала. Она осталась там, где звук не доходит». Ушёл в другую комнату. Не вернулся. Ждала минут пять в дверях, не зная, уходить или окликнуть, потом решила, что окликать — значит требовать продолжения там, где человек сам поставил точку. Я не пошла следом — не знаю, было ли это приглашением уйти или чем-то ещё, но пойти за человеком в его собственном доме без приглашения означало бы нарушить единственную границу, которую он мне обозначил.

Запись обрывается на этом месте. Ничего не объясняю. Сорок пять минут почти полной тишины — не пустая запись. Три раза, когда он всё-таки заговорил, весят больше, чем любые сорок пять минут разговорчивого информанта. Метод здесь — не собрать слова. Метод — дожидаться момента, когда слов достаточно.

От Кузьмича до следующей деревни — сорок минут по грейдеру, потом ещё пятнадцать грунтовой. Остановилась на полпути, съела бутерброд в машине, не выключая мотор — на улице минус восемь, печка держала тепло только при заведённом двигателе. Доела, покрошила остаток хлеба у обочины — вороны слетелись раньше, чем успела закрыть дверь.

По дороге позвонила коллеге узнать про грант на следующий год — раньше подавали вместе, в этот раз он решил пропустить. Сказал, что в этом сезоне комиссия резко сместила приоритеты в сторону «цифровых методов сохранения», сам толком не понял, что это значит, но заявки без этой формулировки, по слухам, срезают на первом же этапе. Такие сдвиги в формулировках бывают по несколько раз в год, обычно к следующему циклу всё меняется снова — так и записала себе, для памяти, ничего больше.

Запись 007. Быличка бабы Тони.

Информантка — Антонина Егоровна, 74 года, деревня в Юрлинском районе (название уточняется — просила пока не указывать до следующего согласования с внучкой). Дом маленький, жарко натопленный — с порога бросило в пот после мороза на улице, пришлось снять куртку прямо в сених, ещё до того, как разулась. На столе клеёнка в цветочек, потрескавшаяся по сгибам, стакан с карандашами вместо цветов. Говорит много, охотно, но не в том порядке, в котором это можно линейно расшифровать. Привожу расшифровку почти целиком — сокращать её значило бы решать за неё, что в рассказе главное, а что нет.

«Ну она вернулась. Вернулась, а как не вернуться-то. Только не вся, конечно. Кто ж оттуда весь возвращается».

Спросила, кто вернулся и откуда.

«Так я ж рассказываю. Ты слушай, не перебивай, а то собьюсь. Значит, до того, как она вернулась — это ж сперва надо, как она ушла. Хотя нет. Не ушла. Её отвели».

«Кто отвёл?»

«А я почём знаю кто. Дед мой рассказывал, царствие ему. Он говорил — отвели. А потом, через неделю, говорит: нет, сама пошла. Я ему: ты ж сказал, отвели! А он: мало ли что я сказал, дело такое, что и не поймёшь толком».

Пауза, она встала, подлила чай, себе и мне.

«Ты пей, пей, стынет. Сахару, извини, нет совсем, я весь Нюрке отдала, у ей коза окотилась, самогону надо было для обмывания, а сахар туда идёт. Она мне потом принесёт, но не сегодня, сегодня ей не до того».

Дала истории отойти минуту, не торопила.

«Так вот я и говорю. Дед — отвели, а я так думаю — сама пошла. Потому что если б отвели, она бы назад не вернулась, отведённых-то не возвращают. А она вернулась. Значит, сама. Значит, знала, зачем идёт».

Спросила, что было, когда она вернулась.

«А ты веришь в такое вообще? Ты не смейся, если не веришь, я тогда дальше не буду».

Ответила, что не смеюсь и записываю то, что она говорит, не оценивая.

«Ну ладно. Значит, вернулась она, стоит у окна. А за окном — не улица».

«Не улица — то есть какая-то другая улица?»

«Да нет, не в этом дело. Не то чтобы другая улица. Как будто окно не туда смотрит. Понимаешь? Не в ту сторону оно смотрит».

«В какую сторону?»

«А не скажу. Не потому что секрет. Потому что не знаю, есть ли у этого сторона вообще, чтобы её называть».

На этом рассказ прервался — зашла соседка спросить про молоко, разговор ушёл в бытовое и не вернулся к теме за оставшееся время визита.

Пометка: информантка трижды меняла источник и версию событий в течение одного рассказа («дед говорил, отвели» → «дед говорил, сама пошла» → её собственная итоговая версия «сама пошла, знала зачем») и ни разу не разрешила противоречие между версиями, не считая это проблемой. Финальная характеристика («окно не в ту сторону смотрит») сознательно не поддаётся однозначной интерпретации самой рассказчицей — не потому что она не может объяснить, а потому что утверждает: у этого может не быть стороны, которую вообще можно назвать. Не подгоняю это ни под одну готовую категорию. Оставляю все три версии как одновременно действительные с точки зрения информантки.

Запись 011. Спор о формулировке.

Информантка — женщина, 65 лет, бывшая учительница, деревня в Ильинском районе. Дом ухоженный, на подоконниках горшки с луковичками гиацинтов, укрытые тёмным пакетом, — выгоняла к Новому году, рассчитывала, что зацветут аккурат к празднику. Разговаривали за столом, накрытым клеёнкой, но она то и дело подходила к окну — проверить горшки, поправить пакет, — и продолжала говорить оттуда, не садясь обратно. В отличие от большинства информантов, активно оспаривает мои формулировки уже во время интервью, не дожидаясь расшифровки.

Спросила про историю с их колодезем, который «не копали, а он сам открылся» — слышала эту фразу от другого информанта годом раньше.

«Кто вам такое сказал? Не сам открылся. Его открыли. Разница есть».

Извинилась, попросила рассказать, как было на самом деле.

Через десять минут, когда пересказала своими словами то, что услышала, для проверки: «Значит, колодезь нашли случайно, когда копали яму под погреб».

«Нет. Я не это сказала».

«Но вы сказали примерно так — яму копали, наткнулись на воду».

«Слова мои. Смысл не мой. Вы взяли мои слова и сложили их в свою мысль. Это не то же самое, что то, что я имела в виду».

Спросила, в чём разница.

«Я не могу вам объяснить разницу словами, которые вы опять сложите по-своему. Просто знайте, что она есть».

Предложила первый вариант: «Колодезь обнаружили при рытье погреба».

«Нет. „Обнаружили“ — это как клад нашли. Не клад. Не искали ничего, просто копали».

Предложила второй: «Во время рытья погреба на этом месте открылась вода».

«Ближе. Но „открылась“ — это как будто сама. А там лопатой били, это ж не само».

Предложила третий: «Копая яму под погреб, наткнулись лопатой на воду».

«Ну вот теперь ближе. Не то, но ближе» — и на этом остановились, потому что дальше, по её словам, «слова уже кончаются, а смысл ещё нет».

Собирала диктофон, она смотрела, как укладываю провода. Спросила вдруг, без перехода: «А вы сами где-нибудь есть?» Не поняла, переспросила: «В смысле?» — «Ну вы столько людей записали. А вас саму кто-нибудь записывает?» Пожала плечами: «Да нет». Она кивнула, будто ответ был ожидаемым, вернулась к рассадке на подоконнике. Разговор на этом закончился сам собой, без продолжения.

Пометка: не считаю финальную формулировку точной передачей её мысли — она сама этого не считает. Фиксирую как «согласованное приближение», не как «подтверждённый факт». Разница между этими двумя статусами и есть то, чем я занимаюсь пятнадцать лет, просто раньше не формулировала это так прямо.

Заночевала в Ильинском, в гостевом доме при библиотеке — единственный вариант в радиусе сорока километров. Хозяйка извинялась, что печь дымит — тяги с утра не было, дым чуть держался под потолком. Легла рано, встала затемно, до Верхней Каменки ещё два часа пути в другую сторону.

Запись 013. Дед Матвей. Ильинский, утро.

Перед отъездом из Ильинского заехала к деду Матвею, 84 года, — знакомая из библиотеки настояла, сказала: «Он обидится, если узнает, что ты в деревне была и не зашла, он же анекдотчик известный». Ехала не за материалом, скорее из вежливости, час свободного времени как раз был.

Дед Матвей действительно оказался анекдотчиком — не в смысле фольклорных быличек, а в буквальном: сорок минут рассказывал анекдоты, в основном советские, про Чапаева и про экзамены, некоторые слышала раньше, некоторые нет, все с абсолютно одинаковой интонацией, поднятой бровью на кульминации, паузой в полторы секунды перед развязкой. Хохла искренне два раза.

Спросила под конец, помнит ли он что-нибудь про местные обряды, про приметы. «А как же. Примета верная: если гостя смеётся два раза за час — заходи ещё». Больше ничего выведать не удалось, да и не пыталась особо.

Показывала ему фото на телефоне — деревню с высоты, снятую дроном коллеги в прошлом году, думала, узнает ли место. Он взял телефон, повертел, увидел заставку экрана — Вишеру, снятую с камня Ветлан, без единого человека в кадре. Спросил: «Это вы где?» Ответила: «Меня там нет».

Ничего этнографического в этой записи нет. Оставляю её в дневнике всё равно — не всякий час в поле должен на что-то годиться.

Запись 014. Внучка на фоне.

Информантка — женщина 68 лет, живёт с семьёй дочери, не одна — редкий случай для этой поездки. Запись велась в проходной комнате, потому что кухня была занята готовкой, а в проходной работал телевизор — не выключили, «пусть бормочет, всё равно никто не смотрит» — и то и дело вбегала внучка лет пяти, что-то спрашивала, хлопала дверью в другую комнату.

Расшифровывать эту запись будет мучительно долго — три голоса поверх друг друга, звук сковородки, дверные хлопки. Уже сейчас понимаю, что часть слов придётся восстанавливать по контексту, часть — оставлять «неразборчиво».

И всё же не попросила выключить телевизор и не попросила увести ребёнка. Не забыла, как это делается — прошу об этом в половине случаев. Здесь — не запросила специально: сама женщина ни разу не сбилась, не отвлеклась на внучку, продолжала рассказ ровно с того места, где её прерывали, будто шум и есть нормальный фон её дня, а не помеха ему. Убрать его из записи значило бы соврать о том, как это было на самом деле.

Запись 015. Слово без перевода.

Информант — мужчина, 79 лет, деревня в Гайнском районе, бывший лесник. Крепкий разговор, много подробностей про охоту, про то, как раньше добирались до райцентра зимой. В середине рассказа употребил слово, которое я не расслышала с первого раза, переспросила, записала на слух как «дуван» — сквозняк, ощущение холода, идущего будто ниоткуда, не от окна и не от двери, а просто через стену, как он объяснил сам.

Вернувшись, весь вечер искала это слово в трёх словарях пермских говоров, которые у меня есть, — двух бумажных и одном сканированном варианте институтского издания. Ни в одном нет. Есть близкие по звучанию, но с другим значением: не про сквозняк, про что-то, связанное с ветром на открытой местности. Написала знакомой на кафедре — не ответила, занята, обещала посмотреть на неделе.

Оставила поле «литературный эквивалент» в карточке пустым. Не «сквозняк» — информант специально уточнил, что это не то же самое, что сквозняк из форточки. Не «холод» — тоже не совсем. Слово обозначает что-то среднее, для чего у меня, судя по всему, просто нет своего слова, и у словарей тоже нет.

Пометка: возможно, локальный уникализм, не зафиксированный ранее; возможно, ошибка на слух с моей стороны, требует повторной проверки при следующем визите. Пока оставляю карточку как есть — пустое поле честнее, чем подставленный неточный синоним.

Запись 016. Два раза про пожар.

Информантка — женщина, 76 лет, деревня в Чердынском районе. Рассказывала про пожар в детстве — сгорел соседний дом, зимой, все выбежали на мороз в чём спали. В начале разговора: «Мне тогда лет семь было, зима, все выбежали». Через сорок минут, отвечая на совсем другой вопрос — про то, как раньше праздновали Пасху, — вставила ту же историю снова, без всякой связи: «А вот пожар помню — мне лет двенадцать было, осенью загорелось».

Не переспросила, какая версия верна. Не указала ей на разницу — семь лет или двенадцать, зима или осень. Записала обе, как обе прозвучали, в тех местах разговора, где они прозвучали. Она сама, судя по всему, не заметила противоречия — обе истории рассказаны одинаково уверенно, одинаковой интонацией, без единой запинки, которая выдавала бы сомнение.

Пометка: не считаю нужным решать, какая версия «настоящая». Возможно, память склеила два разных случая. Возможно, дата важнее для неё, чем для меня, а какая именно дата — уже не важно даже ей самой. Фиксирую обе. Информант сама не различает их как противоречие, значит, для записи это не ошибка, а факт того, как это вспоминается.

Запись 017. Отказ.

Информантка — женщина, 81 год, деревня в Красновишерском районе, имя не привожу по её просьбе. Разговор шёл легко почти час — про быт, про соседей, про то, как раньше провожали на войну. Спросила под конец, как хоронили в их деревне до того, как открыли новое кладбище за рекой.

Она замолчала, дольше, чем обычно бывает перед ответом. Потом сказала прямо: «Это не для записи». Не объяснила почему. Не сказала «не помню» — сказала именно так, обозначив границу, а не пробел в памяти.

Выключила диктофон сразу, не переспрашивая, не пытаюсь уговорить или зайти с другой стороны. Посидели ещё немного молча, она налила ещё чаю, разговор вернулся к соседям.

В карточке: «Информантка отказалась отвечать на вопрос о погребальных обычаях. Причина не запрашивалась». Больше ничего. Это тоже результат визита, не менее полноценный, чем любая расшифровка. Граница, которую она провела, — часть того, что я о ней теперь знаю, и я не имею права стирать эту границу задним числом, просто потому что мне любопытно, что за ней.

Вечером, уже в гостевом доме, выложила три фотографии с сегодняшней дороги на закрытую страницу — не для отчёта, просто чтобы мама увидела, что доехала нормально.

Запись 018. Верхняя Каменка.

3 декабря. Информантка — Мария Петровна, 79 лет, вдова. Дом холодный, топили только кухню — остальные комнаты, по её словам, «зимой не открываю, дров не напасёшься на пустое». Записывала два часа, останавливались на чай трижды. Говорит неторопливо, часто поправляет платок одним и тем же движением — двумя пальцами у виска, — даже когда он не съезжает, будто это просто способ дать себе паузу перед следующей фразой.

Чайник на её плите — точно такой же, как был у бабушки, и такой же, что стоит у меня на Компросе. Купила такой в двадцать третьем, после развода — Игорь забрал в Киров. Я сама сказала: забери. Купила такой же — этот не свистит, а щёлкает, и я к этому привыкла.

В середине разговора спросила, как обычно спрашивают: «А сама-то замужем? Дети есть?» Ответила привычно, тем же тоном, каким называю дату визита: «Нет, развелась, детей нет, работа такая — не усидишь на месте». Она покивала, не удивилась, вернулась к своей истории с того места, где остановилась. Я знаю про неё через два часа больше, чем она когда-либо узнает про меня.

О снеге, который в их местах называют «вторым» — не первый снег сезона, а тот, что ложится после недолгой оттепели в начале декабря и уже не тает до марта. Она сказала: «Вот он ляжет — и всё, конец разговорам с теми, кто на той стороне». Помолчала, потом сама себя поправила: «Хотя нет, не конец. Просто тише становится. Слышно хуже, а не то что совсем никак».

Спросила, что значит «на той стороне». Мария Петровна засмеялась, махнула рукой — не ответила прямо, ушла в историю про соседку, которая якобы «до сих пор разговаривает» с покойным мужем через форточку зимой, «пока снег держит звук».

Не интерпретирую «держит звук» как что-либо, кроме сказанного. Пометка: возможно, локальная метафора о резонансных свойствах свежего снега (акустически правдоподобно — рыхлый снег действительно поглощает высокие частоты иначе, чем наст); возможно, нечто иное. Не уверена. Оставляю обе версии, включая её собственную поправку про «тише», а не «конец» — она сама не была уверена, какое слово точнее, и я не буду решать это за неё.

В машине по дороге домой наговорила себе памятку на диктофон, чтобы не забыть до расшифровки: «Похоже, тему обходит. Почему — не поняла». Переслушала на светофоре. Записала и поехала дальше.

Больше в архиве об этом ничего не будет.

На обратном пути остановилась перекусить в придорожной столовой на полпути между Березниками и Соликамском — из тех, что стоят на каждой северной трассе и все на одно лицо: клеёнка в клетку на столах, запах жареного масла и мокрой одежды, меню на белой доске, написанное маркером. Взяла борщ и котлету с пюре, съела быстро, не снимая куртку, за соседним столом молчали над тарелками дальнобойщики. За окном темнело уже в четыре — обычное дело для этого времени года, не то чтобы заметила специально, просто отложилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.